

Рита Навьер

Это лишь игра - 2

«Литнет»

2023

Навьер Р.

Это лишь игра - 2 / Р. Навьер — «Литнет», 2023

Спустя почти 4 года после событий первой книги#неоднозначный герой, да и героиня неидеальна #острые эмоции #любовь вопреки #сложный выбор ХЭ!

© Навьер Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

1. Лена	5
2. Лена	9
3. Лена	12
4. Лена	16
5. Лена	19
6. Лена	24
7. Лена	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1. Лена

Первую часть книги читать здесь: <https://litnet.com/ru/reader/eto-lish-igra-b436178?c=4925065>

Дисклеймер: события и люди вымышлены, совпадения случайны, позиция и мнение персонажей не всегда отображают позицию автора

После событий первой книги прошло почти четыре года.

1. Лена

– Ну что, Тоха, рассказывай, – подсаживается к нам двоюродный брат Антона, Денис. – Где вы с Леной познакомились?

– Где-где, в такси. Подвозил, пообщались. В общем, любовь с первого взгляда, – Антон весело подмигивает мне.

Я смущенно улыбаюсь в ответ. А все меня разглядывают как куклу на витрине.

Когда Антон сказал вчера, что повезет знакомить меня с родителями, я не ожидала, что они устроят такое застолье, созовут всех родственников и друзей семьи. Будто это не простое знакомство с девушкой сына, а репетиция свадьбы.

Я чувствую себя не в своей тарелке. Хотя почти все ко мне дружелюбны и приветливы. Особенно мама Антона. Она уже и не знает, чем еще меня угостить. И на кухне шепнула, что очень рада, что Антон нашел «именно такую».

Но мне все равно неловко, не привыкла я к подобному вниманию.

Родители Антона живут в Листвянке. В двухэтажке, почти такой же, как у нас с бабушкой. А сам Антон снимает жилье в Иркутске, учится на последнем курсе в Политехе и подрабатывает в такси. И мы, действительно, познакомились, когда он меня подвозил. Правда было всё немного иначе.

Я тогда только прилетела из Екатеринбурга, где сначала проходила длительный курс реабилитации по какой-то социальной программе. Ну и потом там же поступила в пед и отучилась два года. Каждый вечер мы созванивались с бабушкой ровно в девять – в получасовой промежуток между ее любимыми сериалами. Я по ней ужасно скучала и ждала лето, когда смогу приехать на каникулы...

Но вышло по-другому. Однажды она не ответила. Я почему-то сразу же подумала о самом плохом, занервничала и перезвонила соседке, чтобы та сходила к бабушке. И это счастье, что бабушка не привыкла запираť двери на замок, когда дома. Соседка постучалась, потом заглянула и нашла бабушку, захлебывающуюся хрипами.

Позже врачи сказали, что еще немного и спасти ее не удалось бы. У бабушки был инфаркт и отек легких.

Я прилетела первым рейсом, примчалась в больницу, но к бабушке меня не пустили.

Помню тот страшный вечер. Я металась в коридоре под дверью реанимации, изнемогая от своей беспомощности. А потом брела домой. Уже совсем стемнело, лил дождь, но я не обращала внимания. Антон проезжал мимо, заметил меня и остановился.

Предложил сесть в машину, но я даже не отреагировала. Брела как зомби. Другой бы плюнул и уехал. А он выскочил, подбежал ко мне, стал допытываться, что со мной случилось. Ну и меня прорвало. Я так рыдала, что стыдно вспомнить. Боялась, что бабушка умрет, что больше не увижу ее.

Он кое-как привел меня в чувство, довез до дома. А на следующий вечер снова приехал. Сказал, что беспокоился, вдруг я что-нибудь с собой сотворю. А я после этой прогулки под дождем свалилась с температурой.

На третий день Антон опять пришел – принес какие-то порошки от простуды и жара, лимон, мед, малиновое варенье. Пока я лежала, закутавшись в три одеяла, хозяйничал на нашей кухне. Потом поил меня чаем. Совершенно чужой человек...

Вот таким не слишком романтичным получилось у нас знакомство, но Антон, к счастью, никому не рассказывает про мою истерику.

Как только мне полегчало, он отвез меня в больницу к бабушке. Ее как раз перевели в обычную палату. А когда бабушку выписали – Антон вызвался привезти ее домой.

Сначала мы, вроде как, просто дружили с ним. Хотя бабушка сразу сказала:

– Он в тебя влюблен, у него же на лбу написано.

А я не хотела никакой любви, не хотела даже думать ни про что такое. Не верила. Наверное, это побочное явление после Германа...

Бабушка и это замечала. И говорила:

– Ты теперь на воду дуешь. Зря, не все кругом подлецы. А Антон, сразу видно, хороший мальчик.

И я постепенно как-то оттаяла, привыкла к нему, даже привязалась. Это и близко не похоже на то, что я испытывала к Герману. Но это к лучшему. Пусть сердце и не выпрыгивает, когда Антон звонит, пусть голова не идет кругом, когда он рядом, пусть от тоски душа не рвется, когда его не вижу, но мне с ним хорошо. Я и не хочу больше всех тех страстей. Хватило с лихвой. Второй раз я такое, наверное, не вынесу. Я и так еле собрала себя после того, как Герман меня предал, бросил, сбежал...

Хотела презирать Германа, но не получалось. Презирала себя за то, что все равно тосковала по нему. И так хотела, чтобы он передумал, чтобы вернулся, чтобы хотя бы написал или позвонил. Хоть что-нибудь... Но он вычеркнул меня из жизни. Вышвырнул за ненадобностью.

Мне до сих пор вспоминать больно, хоть я уже и переборола свои чувства. Сумела. Избавилась от той зависимости. Но больше ничего подобного не хочу. Никогда.

Но это не значит, что Антона я не люблю. Люблю, просто по-другому. Спокойно, осмысленно, без надрыда и безумия. Это как после горной стремительной реки, полной скалистых порогов, о которые легко разбиться, нежиться в теплом, безмятежном озере. Рядом с ним я отогреваюсь.

Дружили мы полгода, а официально встречаемся, именно как пара, уже второй месяц. И вот я наконец созрела, чтобы познакомиться с его родителями.

– А где ты работаешь? – спрашивает меня тетя Антона. Громкоголосая, смешливая женщина лет сорока.

– Я учусь еще. В университете. На педагогическом.

– Понятно, – тянет она. – А Антошка наш и учится, и работает.

– Ну так я и должен, – тут же вмешивается Антон. Он вообще чутко следит, чтобы меня никто не обижал. – Я ж мужик. Мужик и должен обеспечивать свою женщину...

– О, даже так? – смеется его тетя. – Что, всё уже так серьезно?

– А то! – хмыкает он.

– Может, еще и женишься? – подначивает она.

Антон бросает в меня горящий взгляд.

– Может, и женюсь! – запальчиво отвечает он. – Лен, пойдешь за меня?

На миг воцаряется тишина. На меня смотрят, ждут, что я отвечу. Как будто всё всерьез. И что тут скажешь? Я подхватываю шутку.

– Почему нет, – отвечаю с улыбкой.

Родственники Антона тут же начинают хлопать, радостно улюлюкать, кто-то даже выкрикивает «Горько!». И Антон быстро и коротко целует меня в губы, а на разочарованные возгласы отвечает:

– Э, ну кончайте смущать мне ребенка! Горько им...

– А ты часом не беременна? – наклонившись, тихо спрашивает меня тетя Антона.

У меня брови ползут вверх. Она знает меня всего два часа и такие вопросы...

– Нет, – ошарашенно отвечаю я.

– А-а-а, а то я грешным делом подумала, что, может, по залету...

На самом деле этого у нас с Антоном еще не было. Он не давит на меня, и я ему за это благодарна. Потому что пока не готова.

Вечер близится к концу. Антон смотрит на меня блаженным взглядом, улыбается и шепчет:

– Ты у меня такая красивая... я тебя люблю... я все для тебя буду делать... на руках носить... Я же всерьез на тебе жениться хочу, не просто болтаю... Не веришь? Гляди...

Он достает телефон. Открывает свою страницу в ВК.

– Щас, погоди... – бормочет он, что-то быстро печатая. Потом разворачивает экран телефона ко мне. – Смотри.

Он, оказывается, выложил у себя на странице фото со мной и подписал: «*Бро, я скоро женюсь!*».

– Ну зачем?

– А пусть! Пусть все знают и завидуют.

– Да уж...

– Лен, а давай сбежим отсюда? – снова шепчет на ухо Антон и целует меня в плечо.

– Неудобно, наверное...

– Что неудобного? Они и не заметят, уже напились все. Покатаемся...

Родственники Антона и правда уже хорошо подпили. Нас тоже сначала уговаривали, но Антон – за рулем, а мне и нельзя.

Нас провожает мама Антона. Просит приезжать в гости почаще, вручает мне банку домашнего варенья для бабушки, чем окончательно меня смущает и покоряет.

Антон, как заправский лихач, гонит к городу. В приспущенные окна машины задувает ветер, треплет волосы. И меня наполняет ощущение счастья.

– Хочешь, пушу тебя за руль? – предлагает Антон. – Трасса как раз прямая и пустая. Поучимся?

Антон меня время от времени учит водить машину. Чаще всего я на автодроме лавирую между покрышек. Но иногда ненадолго пускает за руль на пустынных участках дороги. Правда, сейчас ночь... но с ним не страшно.

Я охотно соглашаюсь, и мы меняемся местами. Сначала он страхует меня и, хотя я уже выучила очередность, все равно проговаривает вслух:

– Выжимай сцепление... так, теперь первая передача... ручник... плавно отпуская сцепление... газ... моя ты умница!

У меня получается! Я еду. Сама. Легко, плавно. Чувствую машину всем телом. И такой восторг меня охватывает, словно я лечу.

– Да ты прирожденный гонщик! – нахваливает меня Антон. – Серьезно! Скоро, по ходу, вместе в такси работать будем. Шучу, шучу. На это есть я.

Антон расслабляется, откидывается на сиденье и мечтательно произносит:

– Я тебя самой счастливой сделаю, вот увидишь...

Я лишь на миг, на долю секунды перевожу на него взгляд, улыбаюсь, а когда вновь смотрю на дорогу, вскрикиваю – что-то живое проносится перед колесами. Наверное, собака. Я даже рассмотреть не успеваю. В панике резко выворачиваю руль, виляю и вылетаю в кювет.

2. Лена

От ужаса я цепенею, вцепившись в руль. И даже крик застревает где-то в горле.

– Бля...! – протяжно матерится Антон, тоже хватается за руль, но уже поздно.

Нас резко подкидывает, швыряет в сторону, трясет так, что все внутренности, по ощущениям, всмятку. Машина становится сначала набок, затем переворачивается колесами вверх.

Я повисаю вниз головой, задыхаюсь. Глотку рвет кашель. К голове тотчас приливает кровь, тяжело пульсирует в висках, распирает с каждой секундой все больше. Я судорожно дергаю застежку ремня безопасности, пытаюсь выбраться, но она заела.

– Антон... Антон... – сиплю я.

Он не отвечает.

– Антон! – кричу уже в панике. Господи, пожалуйста, пусть он будет жив!

Он молчит. Передо мной, кажется, его ноги. Лица же его я вообще не вижу. Он не пристегивался. Да и темно уже.

– Антон! – реву я, иступлено дергая проклятый ремень. – Антон... не молчи... пожалуйста!

Наконец защелка поддается, и я мешком съезжаю вниз.

– Антон... – шепчу я, всхлипывая, и пытаюсь нашарить его рукой.

И тут слышу его крик.

– Господи, Антон, ты жив! – выдыхаю со стоном.

Слышу сдавленное мычание и легкое шевеление, а затем тихий мат.

Господи, спасибо! Он жив и даже в сознании. Антон пытается изменить позу, ерзает, но только матерится.

– Ссука, да что ж такое...

Делает рывок, но тут же вскрикивает как от резкой боли:

– А-а! Бляя...

И обессиленно затихает на несколько секунд.

– Лен... – зовет меня он. – Лен, ты как? Цела?

– Да, кажется, да. А ты?

– Да хрен его знает. Такое ощущение, что меня то ли перекутило, то ли расплющило... не могу выкарабкаться...

– Сейчас... подожди...

Я неуклюже переворачиваюсь и выползаю через открытое окно. Цепляясь руками за корни и стебли растений, буквально вытягиваю себя наружу. Встаю на колени лицом к машине, наклоняюсь ниже к окну, из которого только что выбралась, почти припадаю к земле и начинаю шарить рукой в салоне.

– Антон, я сейчас скорую вызову... где-то тут должна быть моя сумка... подожди немного...

Наконец нахожу сумку. А вот и телефон! Трясущимися руками ввожу пин-код.

– Нашла! Сейчас... Скорая – это 03?

– погоди, Лен, не звони никуда. Не надо скорой.

– Как? Почему? Вдруг у тебя серьезная травма?

– Лен, – сквозь стиснутые зубы цедит Антон. Ему явно больно, но он крепится. – Сейчас слушай меня внимательно. И, пожалуйста, сделай, как я скажу.

– Антон...

– Позвони Дэну. Скажи, чтобы гнал сюда... как можно скорее. Скажи ему, что мы вернулись... что будешь его на обочине ждать... Только пусть никому там из наших не проболтается. Особенно маме ни слова. Да вообще никому.

– Антон, но почему не вызвать скорую?

– Да потому что они тогда сразу сообщат ментам. И нам обоим не поздоровится. Тачку заберут на штрафстоянку. А на нас заведут уголовку. Если бы еще не было ДТП, отделались бы, скорее всего, просто штрафами, а так... нахлобучат обоим по полной.

– Но ведь это моя вина. При чем тут ты? Это же я не справилась...

– Как это при чем? Нет. Это я не должен был пускать за руль тебя... без прав...

– Ну а Денис твой что сделает?

– Дэн вызовет эвакуатор, а меня отвезет в больницу. А там я скажу, что упал. Навернулся с лестницы.

– Но так разве можно?

– Можно, нельзя, какая разница? Это оптимальный выход. Иначе я могу вообще без прав остаться. Тебя тоже судить будут. Оно нам надо?

– Я за тебя боюсь, вдруг что-то серьезное...

– Ну так звони скорее Дэну! Пожалуйста, Лен...

Антон диктует номер своего двоюродного брата. Когда тот принимает вызов, включаю громкую связь и подношу телефон к Антону.

– Дэн, брателло, твоя помощь нужна кровь из носа... Только тихо. Чтoб никто не знал, ладно? Мы тут, короче, с Леной перевернулись где-то в районе Тальцов... примерно через пару километров после них. Сможешь приехать прямо сейчас?

– Чего?! Тоха, ты щас шутишь?

– Ты приехать сможешь?

– Да конечно. Не, постой... че, серьезно? Перевер... блин... И че, вы там как? Ладно, короче, выезжаю.

– Давай. Лена тебя на обочине будет караулить.

– Антон, прости меня, пожалуйста... – бормочу я, когда он, закончив разговор, возвращает мне телефон. – Я...

– Лен, потом, давай всё потом. Ты вообще встать можешь? Ноги держат?

Придерживаясь за машину, я поднимаюсь. Голова все еще гудит и идет кругом, а колени дрожат. Но это, скорее, просто стресс.

– Могу.

– Ну всё, выбирайся тогда на дорогу. Он быстро приедет.

На обочину я вползаю с большим трудом, ободрав колени и ладони о щебень. Слишком крутой оказался взъём.

Денис приезжает минут через двадцать. Кубарем скатывается вниз, к машине. И раздражается матами. А я не могу вымолвить ни звука. Вина и стыд душат. А когда Антон на вопрос Дениса говорит, что вел он и просто отвлекся, я готова сквозь землю провалиться. Да, он сам попросил никому не говорить правду, чтобы у него не было еще больших проблем. Но, господи, как же стыдно, как невыносимо стыдно. Ведь это я преступница...

Затем мы на пару с Денисом вытаскиваем Антона. Я правда сначала их отговаривала, опасаясь, как бы он не травмировал себе позвоночник. Нельзя же тогда его трогать, тем более куда-то тащить. Но они только отмахиваются:

– Да брось, все нормально будет.

Кое-как мы взбираемся наверх, на дорогу, и усаживаем Антона в машину к Денису на заднее сиденье.

– Короче, я вас щас высажу возле травмы... потом вернусь, вызову эвакуатор, все дела. Только вот матушке твоей что говорить? – спрашивает Денис, заводя машину. – Она и так заволновалась, когда я сюда ни с того ни с сего подорвался.

– Ничего пока не говори. Может, просто какой-нибудь банальный ушиб. Быстренько оклемаюсь, так она и не узнает ничего.

– Ага, не узнает. А тачка? Ее, по ходу, всю там перекорежило. Блин, Тоха, ну как тебя угораздило, а?

– Да debil, что еще сказать, – бросает Антон. – В другой раз башкой буду думать.

– В другой раз... – качает головой Денис. – Ты ж за эту еще не рассчитался? А хотя бы половину выплатил? Нет? П...ц! Ты, Тоха, и правда debil, – выматерившись, Денис выжимает газ, и мы на большой скорости мчим в сторону города.

3. Лена

Зря Антон надеялся на банальный ушиб, и зря надеялась я...

Нам не повезло. Все хуже некуда. Хотя... при чем тут невезение? Это моя глупость всему виной. Я запаниковала и не справилась. Я разбила машину Антона и покалечила его самого.

Я еще не знаю, как буду с этим жить. Не знаю, как посмотрю в глаза его родителям, как произнесу ту ложь, на которой настаивает Антон. Я даже не знаю, что делать мне прямо сейчас. И словно в прострации сижу в приемном покое и глотаю слезы.

Сначала мы вместе с Антоном долго ждали своей очереди. Наверное, часа два, если не дольше. Он мучился, даже сесть не мог – лежал на боку. Молчал, конечно, как партизан, еще и говорил, что все нормально, но его выдавало лицо – неестественно бледное, землистое, покрытое мелкими капельками пота (хотя здесь прохладно), и плотно сжатые обескровленные губы. Видеть его таким было невыносимо, особенно зная, что мучается он по моей вине.

Потом Антона отвезли на рентген, и больше я его не видела. Прождав еще около часа, я сунулась к дежурному травматологу. И тот будничным тоном сообщил как убил...

– Кто? Антон Савельев? А-а, тот парень, который с лестницы упал... Ну что сказать? Очень неудачно он упал. У него перелом поясничного отдела позвоночника. Его отвезли в отделение.

– Что? – с ужасом охнула я. – Перелом позвоночника?

Я зажала рот, чтобы не взвыть в голос. Кабинет на миг накренился, пол качнулся, уползая из-под ног, и я тяжело привалилась спиной к двери.

– Вам плохо? Воды? – нахмурился врач.

Я качнула головой и с трудом выдохнула:

– Просто голова закружилась.

Казалось, между ребер, в солнечном сплетении, стремительно разрастался ледяной ком, от которого стыли и мертвели внутренности.

– Вы тоже упали с лестницы? – хмыкнул травматолог, бегло оглядев меня с ног до головы и отметив, видимо, грязь на джинсах и кофте. – А если серьезно, вас, девушка, тоже осмотреть не мешало бы, рентген сделать. Вдруг сотрясение, тем более голова кружится. Не тошнит?

– Нет, не тошнит. Со мной все в порядке, – выдавила я. – Что будет с Антоном? Он не сможет больше ходить?

– Пока трудно сказать. Утром ему сделают КТ, ЭНМГ, определят характер травмы... решат, нужно ли будет хирургическое вмешательство... Ну а вообще, если спинной мозг и нервные корешки не задеты, то всё обойдется. Восстановление долгое, конечно. Если без осложнений, то месяца через три-четыре начнет понемногу вставать, передвигаться с поддержкой. Ну, сроки примерные... все зависит, как я уже сказал, от характера травмы, от лечения, от самого организма...

– А если задеты эти... корешки...?

– Ну, тогда совсем другая песня. Если травмирован мозг, то да, это чревато развитием пареза или паралича. Но зачем сразу думать о худшем? По снимкам суставная поверхность не смещена. Так что, скорее всего, нарушена лишь целостность костной ткани. Но утверждать, конечно, не берусь, подождем полного обследования.

Я вышла в коридор и в изнеможении опустилась на ближайший стул. Спрятав лицо в ладони, так и сидела, пока не позвонил брат Антона.

– Че, где Тоха?

– Его положили в больницу... – еле сдерживая всхлип, ответила я.

– Че? Все так плохо? Ноги сломал поди? Вот придурок... А что мне его родакам говорить?

– Я не знаю, – выдавила я и все-таки заплакала.

– Э-э, Лен, не плачь. До вашей свадьбы все у него заживет, еще бегать будет и скакать. Короче, передай ему тогда, что тачку я отогнал к себе во двор. Вроде она не совсем в хлам. И это... пусть поправляется, я на неделе к нему заскочу. Ты мне только скинь адрес и какая там у него палата, ладно? Ну и если что надо будет – звони.

Очередь к травматологу не кончается. Одни уходят сами, других увозят, приходят новые, хотя уже глубоко за полночь. А я все сижу в каком-то отупении и не могу заставить себя уйти. Лучше бы я сама пострадала, чем вот так искалечить кого-то другого, да еще и остаться как будто ни при чем.

Домой я приезжаю под утро. Хорошо, что бабушка еще спит и не видит, в каком я состоянии. Быстро снимаю и прячу грязную одежду, мало-мальски привожу себя в порядок. Так что, когда она просыпается, все следы произошедшего уже скрыты.

Правда, ей хватает всего одного взгляда, чтобы заподозрить неладное. Как бы я ни старалась, а прятать эмоции совсем не умею.

– Вы с Антоном поссорились? – допытывается она. Я лишь мотаю головой. – В гостях у него не понравилось? Кто-то обидел? А что его родители?

– У него прекрасные родители.

– А что тогда? Я же вижу. На тебе лица нет. Что случилось?

– Потом, бабушка, – стону я. – Я тебе все расскажу, но потом. Пожалуйста!

Мне к десяти на пары, но я и помыслить не могу об учебе. Вместо университета еду на съемную квартиру Антона. Нужно собрать для него кое-какие вещи и отнести в больницу.

Хотя у меня есть ключ, я все равно звоню. Антон снимает квартиру на пару с сокурсником, Костей. Мало ли что этот Костя сейчас там делает... Он мне и открывает дверь. Полуголый, то есть в одних шортах, спущенных так низко, что над резинкой видны темные волосы.

Я смущенно отвожу глаза в сторону и сбивчиво поясняю, зачем явилась.

– Антон попал в больницу. Мне нужно отнести ему вещи... одежду, полотенце, зубную щетку...

Костя распахивает дверь во всю ширь и карикатурным жестом приглашает войти. Я разубаюсь, стараясь не смотреть на него, прохожу в комнату, сталкиваясь по пути с незнакомой девушкой в одной мужской рубашке, застегнутой на пару пуговиц.

– Здравьте, – кивает она, не стесняясь своей наготы, и проскакивает в ванную.

В другой раз мне было бы жутко неловко, что я пришла так не вовремя, но сейчас не до церемоний.

В их квартире только одна комната, поэтому они сами разделили ее, поставив поперек два шкафа от старой советской стенки. Пока я, присев, выбираю из вороха одежды на полке Антона чистые вещи, Костя стоит над душой и терзает меня расспросами:

– Так а что с Тохой-то, я не понял? Что?! Разбился? Как?! Фигасе! Когда? И как, серьезно? А что с тачкой? А сам че? В больничке? Надолго? Позвоночник сломал? П...ц! Ой, прости...

Я отвечаю скупой и односложно. Мне очень тяжело говорить про Антона. Еще и Костя этот маячит близко от лица своими приспущенными шортами. А потом и вовсе без малейшего стеснения то ли поправляет там себе, то ли чешет. Я стараюсь не обращать внимания. Складывая в пакет чистое белье, носки, пару футболок.

– А где Антон держит полотенца?

– Да вот там, на верхней полке. Давай достану.

Я отхожу, уступая место Косте. Он вытягивает сверху первое попавшееся полотенце и с полки к моим ногам сваливается красный кружевной бюстгальтер.

– Э-э-э, это Машкин, – говорит он, поднимая бюстгальтер с пола и небрежно засовывая его в карман. Одна чашечка и лямка свисает вдоль его бедра.

Я пожимаю плечами.

– Мне еще нужна зарядка от его телефона.

– Э-э-э... вон там посмотри, – он указывает на письменный стол у окна, заваленный книгами, тетрадями, пустыми упаковками из-под чипсов, из-под лапши, старыми чеками, пивными пробками. Я бывала у Антона в гостях всего дважды – оба раз здесь царил идеальный порядок. Но сейчас черт ногу сломит.

Пока я разбираю завал, слышу, как в комнату возвращается девушка в рубашке.

– О, че это у тебя? – спрашивает она Костю насмешливо. – Твое? Я чего-то о тебе не знаю?

– Тшш, – шепчет он. – Это типа твое.

– Да что ты? – хмыкает она.

– Да тихо ты, потом объясню, – и нарочито громко сообщает: – Прикинь, Машка, Тоха разбился! Позвоночник сломал!

Она испуганно ахает, они переговариваются. Я делаю вид, что их не слышу. Удивительно – но мне и правда абсолютно все равно. Зря Костя так суетится из-за этого бюстгальтера. Потому что на столе Антона среди хлама обнаруживаю еще и упаковку с презервативами. Может, в другой раз меня бы это задело, но сейчас все мысли и чувства заняты другим. К тому же, скорее всего, хозяйка бюстгальтера была у Антона задолго до меня. Не монах же он. Да и, в конце концов, не мне его обвинять и не сейчас...

Наконец нахожу зарядку и прощаюсь с Костей и его девушкой.

К Антону меня пускают только после обеда. Тихо подхожу к нему, словно чего-то боюсь. Он лежит прямо, вытянувшись даже не на матрасе, а на какой-то подложке из досок. Сначала мне кажется, что он спит. Но когда я подхожу ближе, Антон открывает глаза и даже вымучивает слабую улыбку.

– Ты как? Тебе очень больно?

– Да ерунда всё. Ничего, малыш, прорвемся.

– Я не могу так... прости меня, пожалуйста!

– Да брось! Я сам виноват. Раз уж взялся тебя учить, должен был следить и не отвлекаться.

Только никому ни слова. Ладно? Ни маме, ни Дэну, никому.

– Я себе места не нахожу...

– Конечно. Потому что твое место рядом со мной, – он еще и шутит. Ловит мою руку, притягивает к себе поближе. – Главное, что ты цела. Я бы никогда себе не простил, если бы с тобой что-нибудь случилось.

Вот и я себе не прощу, думаю я, а вслух спрашиваю:

– А что врач говорит?

– Скоро бегать буду, – подмигивает Антон. – Да правда, ничего ужасного, не переживай.

Домой я возвращаюсь поздно вечером. Бабушка, к счастью, увлечена сериалом – ну, хотя бы допрос откладывается. Ухожу в свой закуток. Валюсь обессиленно на кровать. Открываю в телефоне чат группы – хоть узнаю, что было в универе. Как-никак я еще ни разу ни одного занятия не пропустила, поэтому все-таки немного не по себе. К тому же сессия скоро.

Листаю перепалки девчонок – они, как всегда, ругаются с Юлькой Орловой. Точнее – они на нее нападают, она – отбивается. В другой раз я бы вмешалась, но не сейчас.

Сейчас мне плохо, невыносимо плохо. Если бы Антон винил меня – это было бы справедливо. И мне было бы гораздо легче. Но вот такое его благородство – оно меня просто раз-

давило. Он, конечно, утверждает, что боится проблем и что они у него обязательно будут, если всплывет, что за рулем была я. Но мне кажется, что это лишь отговорки, а на самом деле – он просто хочет меня оградить. И я чувствую себя таким ничтожеством...

Вдруг сверху ленты с характерным пиликаньем всплывает уведомление о новом сообщении. Я бросаю взгляд, и сердце, дернувшись, пропускает удар. Оно от Германа...

Коротенькое совсем, буквально одна строчка, так что полностью вмещается в превью. *«Привет! Тебя можно поздравить?»*

Смотрю и глазам не верю. Что это? Зачем он пишет мне? Сейчас! Это что, издевка? Или он думает, что можно бросить меня в самый тяжелый момент, почти четыре года не подавать знака, а потом вдруг вот так запросто, как ни в чем не бывало, написать «привет»? Я даже не хочу знать, с чем он меня собрался поздравить!

Я откладываю телефон, зажимаюсь, пытаюсь унять волнение. Он для меня никто, твержу себе мысленно. Мне все равно. Мне плевать на него.

Это так. Но сердце колотится как бешеное.

Ответить ему или нет? Если ответить, то что? Стоп, зачем мне ему отвечать? Почему я вообще терзаюсь над этим вопросом? Он предал меня! Что ему теперь нужно? Нет, нет, нет. Больше он меня в это всё не загонит.

Я решительно захожу в нашу с ним переписку, удаляю Германа из друзей и вношу в черный список. Вот так.

«И пусть не думает себе...» – шепчу тихо, а у самой опять слезы. И сердце никак не хочет успокаиваться. Но это просто нервы. Я слишком перенервничала за день...

4. Лена

Спустя три месяца.

– Девушка! Эй, постой! – выкрикивает кто-то, когда я прохожу мимо группки незнакомых парней. – Куда, красивая, так спешишь? Посиди с нами, пивком угостим...

Спешу я домой. После работы. Хотя не очень-то спешу. Наоборот, едва плетусь, отчасти от усталости, ну и потому что дома у Антона я все еще чувствую себя, как в гостях. Никак не привыкну.

После того, как Антона выписали из больницы, мы перевезли его к родителям в Листвянку. Потому что теперь Антон нуждается в постоянном уходе.

Врачи обнадежили нас, что серьезных осложнений не должно быть, что спустя пару месяцев он сможет вставать, а затем потихоньку начнет ходить. Но... прошло уже три месяца, а Антон не двигается.

И я вижу, как меняется его настроение, да и он сам. Как в нем гаснет если не жизнь, то желание жить.

Раньше он верил, что скоро поправится, и меня горячо в этом убеждал. Твердил: «Малыш, даже не думай расстраиваться. Со мной всё будет в норме. Я уже всё узнал. Ничего страшного. Месяцок поваляюсь – и встану на ноги!»

Притом Антон не просто болтал, чтобы меня успокоить – он строго выполнял все назначения: постоянно носил ортопедический корсет, лежал на жестком щите и не жаловался, как другие в его палате, принимал все препараты, глотал горстями витамины и кальций, всюду старался на ЛФК.

Через месяц он не встал – однако не пал духом. Заверял, что вот выпишется и тогда уж быстро окрепнет. Мол, дома и стены лечат.

Первое время после его выписки я еще жила у себя, с бабушкой, но постоянно ездила к нему в Листвянку. Как раз сессию сдала и освободилась. Заодно искала подработку на лето, чтобы хоть как-то разгрузить бедных родителей Антона, на которых свалился кредит за разбитую машину. Сначала, правда, его родственники и друзья помогли с деньгами – скинулись и на лечение, и на взносы. Но теперь нам приходится выкручиваться самим.

Моя одноклассница Юлия Орлова – мы с ней подружились – позвала меня работать с собой в какой-то крутой ресторан официанткой. Говорила, что с чаевыми выходит очень даже неплохо. Обещала договориться с руководством. Но Антон неожиданно встал на дыбы.

– Моя невеста не будет обслуживать пьяных мужиков! – кипел он. – Это капец как унижительно и стыдно!

– Не надо извращать! – спорила я. – Что значит – обслуживать пьяных мужиков? Я иду работать в ресторан, а не в публичный дом.

Но Антон продолжал возмущаться, пока не выдохся. Потом посмотрел на меня страдальческими глазами и попросил тихо, умоляюще:

– Малыш, пожалуйста, откажись! Ради нас... ради меня...

В общем, я сказала Юльке, что уже нашла другую работу.

А вскоре я и действительно ее нашла. Точнее, тетя Антона меня пристроила в отель «Маяк» горничной, где она сама работала.

– Работа не пыльная, – с энтузиазмом расписывала она. – Ходишь пылесосишь, меняешь постельное и полотенца. Красота! Не то что рыбой торговать. Там чистоенько, тепло, комфортно. Платят исправно, дважды в месяц, кормят вкусно, а тех, кто из Иркутска, привозят и отвозят после смены. Опять же, дома всегда будет туалетная бумага, чай и всякие мыльно-

рыльные прибаамбасы. Половина Листвянки мечтает в «Маяке» работать, а фиг там, не всякого берут. Только своих.

Антон сразу разворчался:

– Не будет моя Лена там работать! Там туристов полно всяких. Приставать же будут.

Его тетя только рассмеялась.

– Вот ревнивец, а? Не нервничай, Антошка. Никто твою красотку даже не увидит. Кроме старшей горничной. Чтоб ты знал, горничные убирают номера перед заездом и после выезда. Ну или когда там никого нет.

Меня же смущало совсем другое. Ездить каждый день в Листвянку и обратно – это столько времени терять в дороге! Но все же решила попробовать. К тому же этот «Маяк» – он такой красивый, просто умопомрачительный, особенно вечером, когда подсвечен огнями. И стоит прямо на берегу Байкала. Помню, как раньше я заглядывалась на него и всё мечтала в нем побывать...

Тетя Антона оказалась права – работать было несложно. Может, только первые несколько дней я немного путалась и плутала в коридорах отеля, как в лабиринте, но быстро освоилась. И действительно – нас забирали из города по утрам и ближе к ночи отвозили обратно. И кормили на кухне ресторана при отеле.

Только с Антоном видеться стали очень редко. Меня даже на телефонное общение не хватало после того, как я возвращалась домой. Сразу валилась замертво спать.

Тогда его мама и предложила мне пожить летом у них, чтобы не ездить туда-сюда, ну и с Антоном хотя бы вечера проводить. Он тоже за эту мысль ухватился.

– Соглашайся. Я так страшно по тебе скучаю. Лежу тут как бревно, днями и ночами один, даже поговорить не с кем. Думаю о тебе каждую минуту. С ума схожу. И тебе мотаться в такую даль зачем?

Я посоветовалась с бабушкой, ну и переехала к ним на лето. И теперь мы с Антоном живем в одной комнате. Правда, скорее, ночуем – сейчас, в разгар лета, самый наплыв туристов, и я работаю за двоих. Прихожу поздно, устаю зверски, но зато и денег больше.

Первую зарплату, почти всю, я сразу потратила на массаж. Еще в больнице врачи посоветовали нам хорошего массажиста. Он приезжал к Антону в Листвянку из Иркутска ежедневно в течение двух недель. В те редкие дни, когда я бывала дома, наблюдала за его манипуляциями, даже снимала на телефон, чтобы потом самой повторять.

Правда, толку от моих стараний, наверное, никакого, потому что когда массажист работал с Антоном, он мычал от боли, стиснув зубы, кряхтел, потел, долго не мог отдышаться, а когда я – лишь шутил, посмеивался, ну и возбуждался. Начинал просить меня потрогать его лучше там. Ну и я, в общем, оставила эти свои попытки.

Да и настоящий массажист тоже не очень-то помог. Двигаться Антон не начал. Теперь он все больше молчит. Даже когда я рядом. Мы с ним как соседи стали, причем случайные. Каждый в своем углу, я – на диване, он – на кровати. Лежит мрачный, безучастный ко всему. Как будто потерял надежду, ничего больше не хочет и просто ждет конца. А я смотрю на него такого – и сердце разрывается...

– Э, да постой ты! – один из парней спрыгивает со скамьи и направляется ко мне. Я ускорю шаг, но он нагоняет.

– Хватай ее! Тащи сюда! – смеются его дружки.

Он ловит меня за руку, разворачивает к себе.

– Убери руку! Или я закричу! – и так почти кричу я. От страха и неожиданности. Обычно здесь очень тихо, ни драк, ни скандалов, ни происшествий. Поселок маленький, все друг друга знают в лицо и по имени. За целое лето первый раз вот так натыкаюсь на пьяную толпу.

– Ой... – вдруг теряется парень и тут же отступает. – Блин, сорян. Обознался. В смысле, не узнал.

Он даже руку к груди прижимает, будто очень раскаивается. Я разворачиваюсь и быстро иду к дому, но успеваю услышать обрывок их разговора.

– Блин, как стремно вышло...

– А че? Кто это?

– Да это Тохи Савельева девчонка...

Листвянка – действительно очень маленький поселок...

На следующий день у меня выходной, но я уже привыкла вставать рано. Мама Антона тоже с самого утра хлопочет на кухне. Не успеваю я выйти из ванной, как она спрашивает, что для меня приготовить.

– Спасибо, но мне ничего не нужно. Я сегодня поеду в город, хочу бабушку повидать.

Она сникает, но тут же спохватывается:

– Да, конечно, поезжай. Бабушка твоя там тоже, поди, без тебя скучает. Зови ее к нам в гости. Что ей в пыльном городе летом сидеть? Ой, я ей сейчас хоть клубнику отправлю...

Пока Вера Алексеевна собирает на кухне угощения для бабушки, я пытаюсь растормозить Антона.

– А давай, когда я приеду вечером, мы с тобой посмотрим какой-нибудь фильм?

– Давай, – сухо, бесцветно, не дрогнув ни единым мускулом, отвечает Антон, даже не глядя на меня. Он, не отрываясь, смотрит в телевизор, который специально поставили перед ним. Только взгляд его абсолютно пустой и ничего не выражающий. Сейчас на канале идут местные новости, но даже если бы телевизор был выключен, Антон пялился бы в него точно так же.

– А хочешь я куплю мороженое?

Он молчит. Я осторожно присаживаюсь рядом, на краешек кровати. Ласково треплю отросшие вихры, только и это на него никак не действует. Хотя раньше он млел от любого прикосновения. Вздохнув, без всякой задней мысли бросаю взгляд на экран и застываю.

«...был задержан владелец одного из крупнейших в области нефтеперерабатывающих предприятий Александр Горр, – вещает женский голос за кадром. А на экране я вижу отца Германа в окружении силовиков. Его ставят лицом к стене, разводят над головой руки, обыскивают. Затем сковывают запястья наручниками и уводят. – Ему предъявлен ряд серьезных обвинений, в том числе в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере и участии в коррупционных схемах. Сейчас он находится под стражей... В его доме и офисе компании проводится обыск...»

5. Лена

Спустя месяц. Середина августа

– Ты где практику будешь отрабатывать? – спрашивает меня Юлька Орлова.

Мы сидим с ней на летней веранде кафе. Она цедит пиво, хрустит фисташками, а я – ем мороженое с шоколадным топпингом. Это первый раз за целое лето, когда я куда-то выбралась. Не считая, конечно, редких визитов к бабушке.

– Не знаю. Хотела сначала в своей школе... в одиннадцатой. Ну, где сама училась. Меня туда Олеся... моя классная бывшая звала. Но теперь даже не знаю...

– А что? Какие-то еще есть варианты? Или есть возможность откосить от практики? – подмигивает Юлька.

– Ну нет. Я, наоборот, хочу поработать в школе. Мне интересно. Но... как быть тогда с Антоном, не знаю. Я же не смогу к нему ездить... Вера Алексеевна, ну, его мама, хочет договориться с директором школы в Листвянке, чтобы я там отрабатывала.

– Не соглашайся! Скажи, что в универе не разрешили. Зачем тебе этот гемор? Ты и так все лето пашешь, света белого не видишь. Ладно бы для себя, а то для них... Чужой кредит выплачивать! Совсем они тебя замордовали.

– Да почему? Мне самой там нравится. Знаешь, какая там природа! Какой воздух...

– На этой природе хорошо отдыхать, а не спину гнуть.

– Да перестань. Говорю же – мне нравится. У нас в отеле такой коллектив хороший, дружный... ну и вообще...

– Да-а-а, Ленка, – смеется Юля. – Таких, как ты, работа любит.

– Но ты же и сама работаешь. Еще побольше моего.

И это так. Юлька, по ее же рассказам, с первого курса хваталась за любую подработку. Это сейчас она официантка в «Сенаторе», одном из самых дорогих и элитных ресторанов города. А прежде она и листовки прохожим втюхивала, и голосовать на выборах агитировала, и какую-то ерунду ходила продавала, и в привокзальной забегаловке мыла посуду, и на заправке трудилась. Словом, ничем не гнушалась.

– Ой, я-то по необходимости. Если б мне предки помогали, как другим, стала б я, думаешь...

Я мало знаю про Юлькиных родителей, кроме того, что они пьют и она с ними практически не общается.

– Вот найду себе богатого мужика, – мечтательно говорит Юлька, – и к черту пошлю всех. И работу, и нашу коменду-грымзу. Буду жить в свое удовольствие.

– А универ? – смеюсь я.

– Доучусь уж, – пожимает плечами Юлька. – Что тут осталось-то? Хотя наши девки, поди, были бы счастливы, если бы я свалила.

Это верно. У Юли отношения с нашими одногруппницами не сложились. Когда я минувшей осенью перевелась в наш пед из Екатеринбурга, девчонки меня сразу же «взяли в оборот», как выражается Юлька.

На самом деле, ко мне они отнеслись очень тепло. Охотно подсказывали, что и как, помогали освоиться, влиться в коллектив, звали на какие-то мероприятия. Наша староста Яна Ворон прямо шефство надо мной взяла поначалу. Опекала всячески. Да и другие девчонки тоже были дружелюбны и как-то сразу приняли меня в свою компанию. Только Юлька Орлова держалась отстраненно. Мы даже не здоровались первое время. Правда, я и не особо обращала на нее внимания. Мне тогда не до того было, я переживала за бабушку и многое просто не замечала.

Потом уже, на вечеринке дома у Яны Ворон, девочки меня «просветили», что с Орловой лучше не общаться.

– Вот ты – нормальная девчонка, только пока не всё знаешь, не всё понимаешь. Так что слушай нас, – покровительственно говорила Яна и остальные ей поддакивали. – Орлова – это чума.

– Скорее, трепонема, – вставила Катя Шукшина под дружный смех.

– Точно, – согласилась Яна. – Ты, Лен, держись от нее подальше.

– Почему? – искренне не понимала я.

– Ой... так быстро и не расскажешь. Просто верь нам.

– А мне она показалась обычной девушкой. – Мне, может, и не хотелось портить отношения с девочками, но что это за заявочки – не общайся и всё тут?

– Шалава она обычная, – фыркнула Яна. И полилось:

– В прошлом году у нас философию вел Калашников. Зверь, а не препод. Два раза пропустишь – всё, до экзамена не допускает. Только через деканат. Ой, у него даже и без единого пропуска сдать было нереально сложно. Гонял на экзамене всех в хвост и в гриву. А эта красотка Орлова почти не ходила на его занятия. Приперлась на экзамен самой последней, заперлась с ним в аудитории и вуаля. Получила «отлично». Как тебе такое?

– Девочки, девочки, а как она с Колосовым, помните?

– Ага! Это еще на первом курсе было. Англичанин наш. Нормальный препод, только бабник. Пускал слюни на Орлову, а она и рада стараться. Ради зачета замутила с ним, потом его уволили.

– Говорят, она и в общежитии там отжигает. Она же общажница... Девчонки рассказывают, мальчишки к ней в комнату гуськом ходят. Понятно, для чего.

– Ой, да она на каждые штаны готова вешаться. Ее бы уже отчислили сто раз, да декан у нас такой сердобольный мужик. Так ее жалеет, жалеет, беденькую.

Девочки снова зло засмеялись, а мне стало неприятно.

– А она его так благодарит, благодарит... – Диана Носова, сидя на стуле, принялась ритмично двигаться вверх-вниз с томным постаныванием, чем вызвала новый прилив хохота.

– В общем, Лен, общаться с ней зашквар. Ты поняла? – назидательно произнесла Яна.

Я и не рвалась дружить с Юлькой на самом деле, просто не понравилось, что староста и остальные так на меня давили.

– Вы уж извините, девочки, но я как-то привыкла складывать свое мнение о человеке сама, не со слухов и сплетен... И решать, с кем мне общаться, а с кем нет, тоже предпочитаю сама.

Девчонки сразу затихли. Яна впиалась в меня долгим взглядом, потом хмыкнула:

– Ну, складывай. Только смотри... будь осторожнее... А то с кем поведешься...

Не то чтобы я сразу кинулась общаться с Юлькой назло девочкам, нет. Я и не собиралась даже. Просто обозначила свою позицию. А вот потом, когда увидела, как ее травят всей группой, уже не смогла остаться в стороне. Хотя Юлька и сама неплохо отбивалась от нападок.

Я подседа к ней как-то на психологии – там требовалась работа в паре, а с ней никто не хотел садиться. Ну и с тех пор мы потихоньку стали общаться.

Однажды мы шли с ней в столовую, и нам навстречу попался мужчина-преподаватель, лет сорока. Юлька с ним поздоровалась, а потом мне сказала:

– Это Калашников. Препод по философии. Человек с большой буквы! Человечище! Так перед ним неловко, капец...

И я сразу вспомнила те сплетни, которые рассказывали девчонки. Однако Юлька выдала совсем другую историю:

– Я половину его занятий пропустила. Просто его пары всегда ставили нам так неудобно. А я тогда еще работала на заправке, не успевала вообще. Как-то он подъехал на своем опеле на

азс, ну и узнал меня. У него, оказывается, суперпамять на лица. Мы разговорились, он сказал, что тоже студентом подрабатывал где ни попадя... Короче, потом на экзамене тоже поболтали о том о сем. Я ему про свою жизнь несчастную задвинула, он мне – про свою... А я и рада трепаться, по билетам же – ни в зуб ногой. Короче, он мне просто так поставил. И мне до сих пор, блин, стыдно...

Однако к парням Юлька и правда была равнодушна, что есть, то есть. Каждого встречного осмотрит-оценит в духе: «О, вот тот ничего такой» или «А этот какой-то лох на вид, даром что шмот брендовый». Но чтобы вешаться на любого – я такого за ней не замечала.

У нее другой бзик. Она мечтает о богатом принце. Кое-кто из друзей Антона к ней подкатывал, когда я их познакомила. Но она решительно всех отшила. Правда, не из высоких соображений, а потому что «нищоброды».

Она – яркая, красивая, веселая. Кому-то может показаться, что она флиртует направо-налево, но на самом деле у нее просто такая манера общения. Она и со мной так же разговаривает – легко, игриво, беспечно. Всегда щедра на комплименты, а при встрече обнимает и целует в щеку.

Сегодня Юлька с самого утра мне названивала – вдруг загорелось ей повидаться. И у меня как раз выходной. А если уж совсем честно, то я просто ухватила за эту возможность. Я жалею Антона, очень жалею. Но тяжело с ним, почти невыносимо. Он стал злой, замкнутый, раздражительный. Будто совершенно другой человек. И я просто не знаю, как его растормошить, как вернуть обратно. На все мои слова, на все попытки наладить контакт он или молчит, или сердится: «Оставьте все меня в покое!».

Ладно уж я. В конце концов на меня он имеет полное право злиться. Но со мной он еще сдерживается, а Вере Алексеевне откровенно грубит. А ведь раньше он очень трогательно и нежно относился к своей маме.

Отец его как-то услышал, как он кричит на маму, и пристыдил его. А Антон в ответ с надрывом: «Ну сдайте вы меня уже в хоспис, раз я вам всем так мешаю! Все равно толку с меня уже не будет».

Вера Алексеевна потом долго и безутешно плакала. А я в этой обстановке просто схожу с ума. Ладно еще, когда вечером прихожу с работы. Поужинаю, приму душ и спать. А сидеть в одной комнате с ним целый день – это пытка. Как будто ядом дышишь. И уйти не могу. Ведь это я разрушила их жизнь, их семью, их счастье...

Но сегодня я к Юльке вырвалась словно из плена на свободу. Сажу, наслаждаюсь моментом, с удовольствием слушаю ее болтовню. Спыхватываюсь уже около семи вечера.

– Ой, всё, Юль, мне пора. Скоро последняя маршrutка до Листвянки.

Юлька качает головой.

– Капец ты попала, конечно... Но знаешь, что я тебе скажу, ты не обязана быть его сиделкой. Да, может, это и не очень красиво, если ты его бросишь, но, Лен, живем один раз. А вы даже не женаты. Охота тебе гробить свою жизнь?

– Давай не будем?

– Как скажешь, – вздыхает Юлька, а, завидев, что я достаю кошелек, начинает протестовать: – Э, нет! Я плачу!

– С какой стати? Давай пополам?

– Ну нет. Я же тебя пригласила. К тому же у тебя каждая копейка на счету.

– А у тебя как будто нет.

– А вот и нет, – смеется она. – Я сегодня богачка. Вчера у нас в «Сенаторе» гуляли какие-то мажоры. За моим столиком. Наказывали всего... мама дорогая! Пошумели, конечно... но зато такие чаевые отвалили, что я глазам не поверила. И это еще не всё...

Лицо у Юльки становится загадочным. Она наклоняется ближе, будто кто-то нас тут слушает.

– Короче, среди этих мажоров был такой мальчик... Офигенный просто.

– Ммм, – киваю я. – Но мне правда уже пора.

– Да сейчас, сейчас. Смотри, – она достает телефон, открывает контакты. Там просто чей-то номер телефона, сохраненный под именем Слава.

– И что это? – не понимаю я.

– Не что, а кто. Это один из тех мажоров. Слава Леонтьев. Он ко мне прямо там подкатывал. Ну не в наглую, не приставал, а чисто так, знаки внимания оказывал. Улыбался, комплименты говорил, весь вечер глаз с меня не сводил. Потом, когда они уходили, звал с собой, но я ему такая: «Нам нельзя с гостями общаться и у меня смена еще». Он: «Хочешь договорюсь?». В общем, я отказалась, и он дал мне свой номер. Договорились созвониться на днях. Прямо слово с меня взял, что я обязательно ему позвоню. Представляешь?!

Я киваю, улыбаюсь, глядя, как она светится.

– Рада за тебя.

Но Юльке кажется, что я недостаточно разделяю ее восторг.

– Лен, ты не поняла, что ли, кто это? Это же сын Леонтьева! Губернатора нашего. С таким замутить – это вообще космос. Это всё, ты в дамках. Это все равно что сорвать самый крутой джекпот. Прикинь, как у наших куриц вытянутся лица, когда они узнают, что я встречаюсь с сыном губернатора, а?

– И что, перезвонила ты ему? – смеюсь я.

– Нет, пока нет, – трясет головой Юлька. – В таких делах спешка не нужна. А то решит, что я слишком доступная. Он позвал – я побежала. Нееет, потом позвоню... назначу встречу, приду, немного побуду и уйду, типа дела... Этак помариную его, распалю азарт... мужики же охотники по своей натуре. Если сразу сдашься – быстро интерес потеряет. Надо его сначала приручить.

– Ну ладно, удачи тебе с приручением. Мне, правда, уже пора. Завтра на работу рано.

Юлька встает, обнимает меня, едва касаясь прохладными губами щеки.

– Вот стану женой губернаторского сыночка отвалю и тебе бабла с барского плеча, – хохочет она заливисто. – И Антоху твоего отправлю за границу, там его вылечат.

Юлька часто несет всякие глупости, но от общения с ней у меня всегда хорошее настроение. Она меня словно заряжает беспечностью и позитивом. Правда, дома весь этот заряд мгновенно исчезает...

Вера Алексеевна прячет заплаканное лицо. Потом признается, что Антон ничего не ел за весь день.

– Я уговаривала его хоть немножко поесть, а он только: отстань да отстань. Принесла ему суп, а он так разозлился вдруг и эту тарелку... как швырнет... Леночка, может, он тебя послушает? А то ведь кожа да кости уже. Откуда у него силы возьмутся...

С тяжелым сердцем присаживаюсь рядом с Антоном. Он не двигается. Неотрывно и мрачно смотрит в потолок. Лицо как каменная маска. Касаюсь ласково его щеки, но он лишь раздраженно дергается.

– Антон, зачем ты так? Маме ведь твоей очень тяжело. Она и так за тебя переживает...

– Я знаю, что всем вам тяжело. Всем вам жизнь порчу. Я уже сказал отцу, пусть отвезет меня в дом инвалидов или куда там еще. И живите себе спокойно. А мне какая разница, где лежать бревном, тут или там.

– Антон, не говори так! Неужели ты не понимаешь, что и твоим родителям, и мне тяжело оттого, что тебе плохо. Мы за тебя переживаем, мы страдаем вместе с тобой.

Он смотрит на меня тяжело, словно подозревает в чем-то.

– Лен, ну признайся, ты со мной только потому, что себя винишь? Ты – девочка добрая, жалеешь меня, калеку. И неудобно тебе... Только зря ты. Не надо меня жалеть. И винить себя тебе не за что. Я сам во всем виноват. Так что... – он отводит глаза. Смотрит теперь в стену, и

я вижу, как он пытается сморгнуть подступившие слезы. – В общем, ты можешь уйти. Я тебя отпускаю. Уходи, Лен.

А у меня в груди щемит. Бедный мой...

– Перестань! Я не из жалости с тобой. Если бы это я пострадала, разве ты бы ушел? Разве бросил бы меня.

– Я бы – нет. Никогда. Но то я. Или ты хочешь сказать, что у тебя ко мне тоже какие-то чувства? – горько усмехается он. И вдруг ловит меня за руку, повыше локтя. Тянет к себе. – Тогда поцелуй меня...

Я наклоняюсь. Касаюсь его губ, сухих и жестких. Целую со всей нежностью, которая в эту минуту переполняет меня. А потом замечаю, что он давит мне на плечи.

– Поцелуй меня там... – хрипло шепчет он. – Возьми его... возьми в рот...

Я резко вырываюсь, скидываю его руки.

– Не хочу! – вскакиваю и отхожу. Чувствую, как пылает мое лицо, словно меня ошпарили.

Ложусь на свой диван, отворачиваюсь к стене. Сдерживаюсь изо всех сил, но все равно плачу. Зажимаю рот, но всхлипы прорываются.

– Уходи. Слышишь? Завтра чтобы ушла, – зло бросает Антон.

6. Лена

Ночь выдалась тяжелой. Сначала меня душили рыдания. Хотелось домой, к бабушке. Потом я успокоилась, перестала себя жалеть, но мысли никак не оставляли.

Я всё думала, зачем Антон меня так унизил. Понятно, что ему хочется разрядки. Наверное, это ему даже необходимо. Он же мужчина. И он не виноват, что я не могу себя пересилить и дать то, что ему так нужно. Но раньше, когда я делала ему массаж, он все-таки начинал с малого, был ласков и уж грубости никогда не допускал. Знает ведь, что у меня никого еще не было. А прежде, до аварии, он и вовсе так трогательно ко мне относился. Говорил, что ничего не будет, пока я сама не захочу, не торопил, не давил.

А тут... это было так вульгарно, так оскорбительно. Хуже пощечины. Словно он намеренно хотел меня обидеть. Зачем-то еще всплыл на ум тот красный бюстгальтер, будто мало мне впечатлений.

Я тогда про свою находку Антону ничего высказывать не собиралась, но он сам завел разговор спустя пару дней. Видимо, Костя всё ему передал. Он как раз был у него в больнице незадолго до меня, мы даже столкнулись с ним на крыльце. А когда я поднялась в палату к Антону, он почти сразу начал:

– Малыш, я должен тебе кое в чем признаться...

Я, в общем-то, сразу догадалась, какого сорта меня ждет признание.

– Может, не надо? – попросила его.

Не то чтобы я боялась неприятной правды и прятала голову в песок, просто мне не хотелось знать подробности, даже если что-то и было. Ну и потом, я понятия не имела, как на такое реагировать.

– Это было один раз... недели три назад... случайно, – продолжил Антон, пропустив мимо ушей мою просьбу. – Хотя, если честно, я даже не уверен, было ли вообще что-нибудь... Может, она все выдумала... В общем, у Костяна дняха была... Помнишь, я тебя звал, ты отказалась? Короче, туда бывшая моя заявила. Алка. Типа Костяна поздравить. Хотя я потом на него наехал, мол, нафига он ее пригласил. И Костян заверил, что не приглашал, сама приперлась. Да я, главное, с ней даже не общался, пока сидели. Ну, только так – привет, как жизнь и всё. Она еще, помню, сказала, что с другим мутит. Я ей счастья пожелал, все дела. Ну и... мы там все упились в хлам, короче... И я тупо ничего не помню... вообще ничего... Утром проснулся... ну и короче, вот...

Антон отвел взгляд и так густо покраснел.

– Мне очень стремно от этого, правда. Я вообще не понимаю, как так вышло... Она потом мне писала, типа люблю-скучаю, давай начнем сначала... А я ей ответил один раз только. Написал, что люблю другую и все у нас серьезно... В смысле, у нас с тобой... Алка все равно не уgomонилась. Звонила, писала, ну и я ее в черный список внес и на этом всё. Давай я тебе покажу? Возьми мой телефон, прочитай сама нашу переписку. Убедись...

– Еще чего. Не буду я читать чужие сообщения. Я и так тебе верю.

– Прости меня, малыш...

Как я могу его не простить? Господи, это ведь такая мелочь по сравнению с тем, что сотворила с ним я.

– Не думай об этом. Все нормально, – заверила я его.

– Правда? – изумился Антон.

– Да правда, конечно. Давай не будем больше об этом.

– Ты... – выдохнул он, сморгнув. – Ты – необыкновенная! Самая лучшая! Я думал, ты... ну это... обидишься, а ты... Я так тебя люблю, Лена. Клянусь, я никогда ни с кем... даже не взгляну ни на кого...

Видимо, я стала взрослее и спокойнее, потому что раньше, когда Герман даже просто разговаривал с Михайловской, у меня внутри творилось страшное, и я ничего с этим поделать не могла. Тут мне тоже, конечно, было неприятно, но я без большого труда откинула плохие мысли. Просто запретила себе об этом думать и всё. И как-то сумела подавить неприятные ощущения в зачатке.

Правда, вот сейчас отмахнуться никак не получается. Потому и не сплю почти всю ночь. Только перед самым рассветом засыпаю, но почти сразу тишину взрывает будильник на телефоне. Пора вставать и идти на работу, а я голову от подушки еле отрываю, будто она чугунная.

От переживаний и бессонной ночи чувствую себя больной. Да я и выгляжу как больная – бледная, какая-то потухшая, осунувшаяся, с темными кругами под глазами. Лишний раз в зеркало смотреть не хочется.

Стараюсь собираться тихо, чтобы не разбудить Антона. Вдруг снова гнать меня начнет, а я и так в раздрае. Он не понимает, что не могу я уйти. Может быть, даже больше из-за себя, а не из-за него.

На работу едва не опаздываю. Нам положено приходить минимум за пятнадцать минут до начала смены. Хотя наши приходят еще раньше – чтобы, не торопясь, переодеться, немного поболтать, выпить чашку кофе или даже позавтракать. Я же прибегаю буквально за пять минут. В спешке надеваю форму, получаю у старшей горничной список заданий, ключи от номеров и рацию для связи с ресепшен.

А дальше все по накатанной: комплектую тележку и иду убирать номера по списку. Начинаю с тех, которые забронированы на сегодня. Успеваю управиться с ними как раз к обеду.

Едим мы обычно у себя, в служебном помещении. Что-то приносим с собой из дома, что-то перепадает нам из кухни ресторана. И без сплетен во время обеденного перерыва, конечно, не обходится. К тому же в Листвянке все всё друг про друга знают. Лишь для меня зачастую имена, проскакивающие в разговорах, ни о чем не говорят. Хотя я все равно обычно помалкиваю.

Но сегодня наши с упоением перемывают косточки Веронике – она у нас метрдотель. Строгая и щепетильная, за что ее не очень любят.

– Эта стерва Вероничка опять разоряется, – ворчит моя тетка, Лена, она здесь трудится горничной со дня открытия отеля. – Без году неделя, а строит из себя невесть что.

– Да у них там в ресторане сегодня аврал, – вмешивается Ольга, старшая горничная. Она у нас демократичная, и обедает вместе с нами. – Не слышали разве? Там же скоро свадьба будет.

– И что? Первый раз, что ли? – хмыкает Лена.

– Да там такая пара женится, что сам Гаспарян сегодня примчался и всех на уши поставил.

Арам Гаспарян – владелец отеля Маяк, правда, я его ни разу в глаза не видела. Говорят, что он здесь почти не появляется.

– Да ты что? – сразу оживляются наши.

– Да! Бегал с утра, дрючил всех, орал, что все должно быть идеально или он с нас три шкуры спустит самолично.

– Это кто ж такой у нас решил жениться, что Гаспарян так распереживался?

– Говорят, что чуть ли не дочь губернатора и какой-то олигарх... Или сын олигарха... Они пока не афишируют, но сплетни-то ползут. Вот в ресторане и дурдом сейчас творится. Готовятся к банкету... даже не так, к пробному банкету... Мол, если этим все понравится, тогда они соизволят справить свадьбу у нас, а если не понравится... Если не понравится, то Гаспарян пообещал уволить всех к черту. Нас тоже касается, девочки. Они вечером сегодня должны заехать в семьсот первый люкс. Так что все должно быть на высшем уровне. Лен, – обращается ко мне старшая, – семьсот первый в твоём ведь графике? Ты уже закончила там уборку? Перепроверь всё на сто рядов. А то в прошлый раз отдыхала, помните, дочь судьи

этой... Масловой... устроила скандал из-за фена... плохо работал он или что. В общем, Лена, все должно быть идеально, поняла? Бар проверь, чтобы все было... все самое лучшее... Чтобы все работало и, конечно, чтобы ни соринки, ни пылинки... Хотя я сама лучше проверю. Гаспарян велел подготовить им номер, будто сам президент приезжает...

Я пожимаю плечами. Наши все взволнованы приездом этих важных гостей, а мне все равно. Я ни о чем, кроме как об Антоне, думать не могу. Даже вот убиралась сегодня, а сама прокручивала раз за разом вчерашний случай. Потому что не знаю, что делать. Как с ним теперь разговаривать, как вести себя. Делать вид, что ничего не произошло? Или дуться? Или что? И спросить совета не у кого. Ну, то есть я не могу ни у кого о таком спросить, язык не повернется...

– А надолго они у нас тут? – спрашивает кто-то из наших.

– Да кто их знает. Банкет этот пробный проведут, к номеру присмотрятся... а когда их свадьба – точно никто не знает. Гаспарян сказал, что скоро. И всё.

– Ох, не было забот, – тяжело вздыхает моя тезка. – Знаю я этих фиф, всё им не так.

После обеда я убираю номера, из которых сегодня выехали. Собираю постельное белье, полотенца, халаты, увожу все это в прачечную. Сейчас уже и я замечаю творящийся вокруг ажиотаж. Даже неторопливая Лена бежит как заведенная.

Ближе к вечеру мне звонят на рацию с ресепшена.

– Срочный вызов в семьсот первый.

– Что-то им нужно принести? – спрашиваю я.

– Нет, убрать там что-то попросили.

Вот тут я тоже начинаю немного нервничать. Я же там убирала утром, неужели что-то упустила? Не хочется, чтобы из-за моей оплошности пострадала Ольга, наша старшая.

Я стучусь в дверь люкса. Отзываются лишь с третьего раза. Захожу в номер. Оглядываю гостиную – ничего и никого. Только у двери на банкетке черная дорожная сумка с надписью Balenciaga.

Из дальней комнаты – спальни – слышу женский голос.

– Сюда пройдите!

Я прохожу в спальню. Нервничаю еще больше: что не так?

На широкой разобранной кровати сидит по-турецки девушка-блондинка в полупрозрачном пеньюаре. Не говоря ни слова, пальцем указывает куда-то вниз. Я опускаю взгляд и вижу на ковре осколки. Видимо, разбили бокал. Потому что на столике открытая бутылка шампанского. По-моему, уже пустая.

Я приседаю на корточки, начинаю собирать с пола осколки на совок. Слышу, как за спиной открывается дверь ванной. Кто-то неспешно проходит мимо и, по звукам, останавливается у огромного панорамного окна с видом на Байкал. Видимо, жених-олигарх. И мне становится вдвойне некомфортно, нервозность просто зашкаливает, хотя он даже не обращает на меня никакого внимания.

Я продолжаю торопливо выуживать из ворса мелкие стеклышки, даже не поднимая головы. Хочется поскорее отсюда уйти.

– Успокоилась? – вдруг слышу ледяной и при этом до разрыва сердца знакомый голос.

Застываю, не в силах пошевелиться. Не в силах даже вдохнуть в первый миг. Потом все же с трудом, судорожно втягиваю воздух и поднимаю глаза.

Мужчина стоит ко мне спиной, созерцая вид из окна. Босой, в белом банном халате. Мокрые черные волосы выются полукольцами. Я не вижу ни лица его, ни даже профиля. Но и так знаю, что это он. Герман Горр. Я безошибочно узнала бы его из тысячи, по голосу, по силуэту, по осанке.

Меня начинает трясти как в лихорадке. Сердце, обезумев, мечется в груди. Я торопливо вскакиваю. Боже, только бы он меня не увидел, только бы не узнал, что я здесь...

И тут Герман оборачивается...

7. Лена

В первый момент Герман меня не замечает. Просто не удостоивает вниманием. Что ж, он всегда был такой. Люди, которые ему неинтересны, для него как безликие декорации.

Ну и хорошо! Даже очень хорошо, что Герман меня не видит. Что смотрит лишь на девушку... на свою невесту. Но этот его взгляд... как же он мне знаком! Пронизывающим холодом веет от его взгляда, пробирает насквозь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.